

— Ты что, забыл, что мы буквально час назад практиковались?

— Нет, я имел в виду... как бы это сказать... разве Рин не сильно устал после этого? Я хотел спросить, есть ли, ну, способ, который не так сильно выматывает?

Другими словами, Кандзаки, видимо, беспокоился о его физическом состоянии. Хаяма понимал его мысли, но, вспомнив об этом, снова задался вопросом: почему же нагрузка была настолько велика?

— Кандзаки, как ты думаешь, твоя духовная сила сильная?

— Не знаю, я не знаком с вашими стандартами... Ааа!

С криком Кандзаки последовал звук металлического удара. Хаяма, слегка встревоженный, вскочил и посмотрел в сторону кухни.

— Что случилось... Ты, ладно, я даже не знаю, что сказать.

Ничего серьезного, просто кастрюля упала на пол. Поскольку плита еще не была включена, кастрюля была пустой, и, кроме испуга, никаких последствий не было.

— Ты что, как дети, которые только учатся готовить, не можешь ее удержать?

Эти слова звучали немного резко, ведь оценивать Кандзаки, духа, по его физической силе было совершенно нелепо.

— Совсем наоборот — я случайно приложил слишком много силы, и она чуть не врезалась в стену.

— Ты что, как те качки из спортзала, которые любят хвастаться своими мышцами?

Хаяма представил себе, как кастрюля внезапно взлетела в воздух, с такой скоростью, что чуть не врезалась в стену, но затем, потеряв силу, грустно упала на пол... Слова подобраны не совсем точно, но картина получилась довольно забавной.

— А? Что за... В общем, я чувствую, что Рин сказал это с негативным подтекстом.

Кандзаки не понял его примера, что было вполне нормально. Ненормальным было скорее то, что Хаяма постепенно становился более умелым в подшучивании.

— Да, прямо скажу, я думаю, что ты немного глуп, нет, даже очень глуп.

— Прости... — виновато сказал Кандзаки. — Я вдруг потерял контроль над силой и сам испугался.

— Ха, лучше я сам займусь этим, мистер Размытый След.

Разговаривать с чем-то нечетким и размытым было странно. Хаяма действительно надеялся, что его зрение скоро восстановится, но с физическим состоянием ничего не угадаешь. Хотя на этот раз восстановление шло быстрее, чем когда-либо, он никогда не чувствовал, что время тянется так долго. Может, после сегодняшнего вечера станет лучше? Он так хотел снова увидеть лицо Кандзаки.

— Рин все еще не видит меня?

— Не совсем, я вижу тень, но могу лишь примерно определить твоё местоположение.

Подняв кастрюлю с пола, Хаяма слегка проверил её на повреждения. Из-за удара край слегка загнулся. Это была часть арендованного имущества, и теперь Хаяма, вероятно, должен будет отвечать за этот ущерб.

— Ааа, надеюсь, хозяин не разозлится.

— Ээ... Ой, правда, прости!

Тень Кандзаки вдруг замерцала. Что он делает? Хаяма безответственно представил себе, что Кандзаки, возможно, делает что-то вроде обезьяньих движений? Хватит, слишком богатое воображение — это не всегда хорошо.

— Есть ли что-то, что я могу сделать, чтобы исправить это... Ааа, что делать?

— Успокойся, большой младенец.

Это была реакция, как у ребенка, который сделал что-то не так. Несмотря на внешне зрелый вид, характер Кандзаки был совершенно непонятным. «Теперь я еще больше понимаю, насколько велик был тот воспитатель в детском саду», — промелькнуло в голове Хаямы. К счастью, Кандзаки хотя бы понимал, что он говорит.

— Если это всего лишь небольшой загиб на краю, ничего страшного. Кстати... ты ведь можешь починить это, верно?

Использовать силу духа звучало немного пугающе, но Хаяма не обращал на это внимания.

— Ээ, ээ? Я могу?

— ... Как узнаешь, если не попробуешь?

Хаяма вспомнил, что Ассоциация не любит сосуществовать с духами именно по этой причине. Духи могут делать гораздо больше, чем многие думают, и это многих пугает.

Просто зависть к тем, кто обладает силой, — эту мелкую мысль все понимали.

— Вот видишь, даже Кандзаки может многое сделать.

Было видно, что Кандзаки совершенно не знал о такой способности. Кастрюля была починена, но это заняло некоторое время — около пяти-шести секунд. Хаяма знал одного духа, которая делала подобное практически мгновенно.

— Медленно, тебе нужно больше тренироваться.

— Это считается медленно?... Рин, а что ты считаешь быстрым?

— Ну... раньше, когда мы жили в доме, там был привязанный к земле дух. Она была как управляющая, и если бы это была она, то уже починила бы семь-восемь кастрюль.

— Это немного обидно. — Голос Кандзаки смягчился.

— Подожди... «Она»? Женщина?

— Что в этом странного?

Это была очень элегантная зрелая женщина, нет, на самом деле, пожилая женщина. Сказать это вслух было бы слишком неловко, поэтому Хаяма решил оставить эту информацию при себе.

— Ох...

Хаяма вздохнул и поставил кастрюлю обратно на плиту.

— Посмотри, что в духовке.

С этими словами он отправил Кандзаки на кухню.

После ужина, семь часов.

Аппетит не пострадал от усталости, вероятно, из-за того, что блюда были вегетарианскими. К этому времени дождь наконец прекратился, и Хаяма стал больше беспокоиться о влажности.

Апрельский дождь обычно короткий, но сегодня он шел так долго. Слегка убрав посуду, Хаяма оставил ее в раковине. Первоначально он планировал принять душ после ужина и заодно постирать одежду, но теперь беспокоился, успеет ли она высохнуть.

— Может, прогуляться? — пробормотал Хаяма.

Хотя у него не было привычки гулять каждый день, иногда это казалось неплохой идеей. Дождь только что закончился, и на короткое время воздух должен был стать свежим.

— Дождь — странная штука.

— Почему? — спросил Кандзаки.

Судя по его словам, у него не было много воспоминаний о жизни, поэтому некоторые бытовые детали он мог не помнить. Хаяма постарался объяснить как можно подробнее:

— Ну, перед дождем очень душно, во время дождя тоже душно, но как только он прекращается, воздух становится приятным... Однако это длится недолго, через пару часов становится еще душнее — в общем, одним словом, «душно».

Кроме этого слова, Хаяма не мог найти другого подходящего описания. «Слишком влажно»? Это не совсем точно. В разговорной речи, вероятно, это можно описать как «нечем дышать».

Но сказать Кандзаки «я задыхаюсь» было бы странно... Он бы не понял.

— Понятно, но что такое «душно»?

— Ээ...

Хаяма задумался, действительно не находя подходящего объяснения. После долгого размышления он с трудом выдавил:

— Ну, это когда очень неприятно? Например, я могу стать настолько раздраженным, что захочу кого-нибудь ударить?

Какой же я неуклюжий, — подумал Хаяма. Но это было правдой, это странное чувство,

вероятно, схоже с «утренней злостью».

— Да, это как «утренняя злость», так понятнее?

— Аа... это страшно.

Ээ, почему Кандзаки сказал «страшно»? Хаяма попытался вспомнить последние дни, но, кажется, он ничего ужасного не делал... правда?

— Если можно спросить... я что-то сделал?

— Как жестоко, Рин даже не помнит?

Эти слова заставили Хаяму немного занервничать. Действительно, первые минуты после пробуждения всегда были немного размытыми. В старших классах это было еще хуже, иногда он выключал будильник и даже не помнил, что он звонил: будто будильник вообще не срабатывал.

Сейчас это, должно быть, улучшилось... но сам Хаяма не мог этого утверждать. Поэтому он стал особенно внимательно слушать, что скажет Кандзаки.

— Ты же, когда засыпаешь, принимаешь меня за подушку, а потом, просыпаясь, скидываешь меня с кровати.

— Что... кх, кх.

Услышав невероятный ответ, Хаяма подавился. Инстинктивно он прижал руку к горлу, пытаясь успокоиться.

— Я такое делал? Кх.

— Боже, я помню это очень четко.

Голос Кандзаки постепенно удалялся, и через мгновение он протянул Хаяме стакан воды. Потрогав стенки стакана, Хаяма почувствовал, что вода была теплой, но не горячей, идеальной температуры.

В японском языке местоимения третьего лица для мужчин и женщин различаются.

Кстати, мне кажется, только в китайском произношение одинаковое.

Я что-то упустил?

<http://bllate.org/book/16196/1453362>